

СОДЕРЖАНИЕ

Меняющееся видение демократии: Афинская демократия как историографический феномен (Вместо введения)	4
Polis как специфическая политическая община (Эгалитарные тенденции и идея справедливости).....	15
Социальный кризис, «гоплитская революция» и «гоплитская демократия» (От идеи справедливости к идее равенства).....	24
Радикальная демократия: «суверенитет народа» или «тирания» demos'а?	47
Афинская демократия IV в. до н.э.: от «власти народа» к «власти закона»?	78
Список литературы	87

МЕНЯЮЩЕЕСЯ ВИДЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ: АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Афинская демократия является тем феноменом в мировой истории, отношение к которому в интеллектуальной среде практически никогда не было нейтральным, ни в эпоху ее существования, ни спустя более двух тысячелетий после ее исчезновения. Для одних она была и остается «шокирующим примером “власти толпы”», а для других – образцом коллективного самоопределения, по сравнению с которым все современные формы не прямой, представительной демократии выглядят ущербными» (51, с. 1–2). Впрочем, как в древности, так и в Новое и Новейшее время предпринималось немало более или менее успешных попыток объективного анализа данного феномена. Примечательно, однако, что даже внутри той культурной традиции, которая создала демократию, результатом такого анализа была в целом негативная оценка. Наиболее авторитетные мыслители из числа современников, включая Сократа, Ксенофонта, Исократу, Платона и Аристотеля, полностью отвергали базовые демократические принципы, особенно демократический взгляд на политическое равенство. Сама идея о предоставлении власти скорее массам, чем немногим достойным, могла казаться извращением справедливости и здравого смысла, вводя равенство там, где его нет, и создавая риск возникновения тирании непросвещенного большинства. И даже еще относительно не так давно, в первой половине XX столетия, такие влиятельные фигуры, как Макс Вебер (1864–1920) или Йозеф Шумпетер (1883–1950), отнюдь не безоговорочно вели речь об эффективности системы, которая дает власть народу (см.: 45, с. 2).

В современном мире, когда демократия стала нормой политического устройства общества, высокий уровень интереса к истокам этой формы государства заставляет историков вновь и вновь обращаться к ее афинской версии. С одной стороны, это объясняется тем, что афинская демократия представляла собой наиболее яркий пример, своего рода эталон, прямой демократии, технологическая возможность и политическая целесообразность реализации которой в наше время все чаще становится предметом обсуждения (см.: 40). С другой стороны, процесс ее возникновения и развития относительно полно представлен в сочинениях античных писателей и в эпиграфических источниках, что позволяет достаточно детально реконструировать процесс эволюции политической системы Афин в контексте их экономического и социального развития. В центре внимания исследователей остаются также вопросы о том, какие факторы стимулировали возникновение демократии в греческом мире, какие политические принципы и идеалы составляли ее фундамент и способствовали ее эволюции, какую роль в трансформации демократии играли военный фактор, а также образование и развал афинской «империи».

Проблема различий между древней афинской и современной либеральной демократиями также является одной из центральных в историографии. Подход к ней до недавнего времени нередко сводился к тому, что прямое самоуправление граждан противопоставлялось представительной системе управления, а коллективный суверенитет без «сдержек и противовесов» выступал как противоположность основанному на правах конституционализму. Те же исследователи, которые склонны максимизировать дистанцию между «древними» (ancients) и «современными» (moderns), рассматривают polis как безгосударственное общество. Соответственно, с их точки зрения, демократическая версия полиса не имеет ничего общего с современными демократическими государствами, поскольку государством вообще не является. Для преодоления столь упрощенческого подхода в современной науке предпринимаются большие усилия к тому, чтобы выяснить, как работал демократический режим в данных конкретных исторических условиях, и как эволюционировал его *modus operandi* с течением времени.

К настоящему моменту ввиду непреходящей актуальности данной темы количество монографий и статей по афинской демократии (как общего плана, так и по отдельным ее аспектам) исчисляется тысячами. Поэтому в данном обзоре акцентируется внимание лишь на сравнительно немногих работах, которые, однако, как

представляется, позволяют проследить основные направления развития зарубежной историографии, обозначить приоритетные темы исследований и новые подходы западных историков к изучению ключевых проблем афинской демократии. При этом в ряде случаев, несомненно, будет оправданным использование наработок ведущих российских специалистов в данной области.

В XX столетии в изучении афинской демократии абсолютно господствовали два направления, хотя и противоположные в плане тематики исследований, но в целом дополняющие друг друга (см.: 4, с. 10–14). Первое направление было ориентировано на изучение преимущественно политических институтов, эволюции их роли и функций в политической системе Афин. Этот «институциональный» подход преобладал в конце XIX – первой половине XX в., что, по крайней мере отчасти, объясняется введением в научный оборот в 1891 г. такого исключительно важного источника, как трактат Аристотеля «Афинская полития», представляющего собой детальное описание государственного устройства афинян в IV в. до н.э. и истории его формирования. В течение данного периода был заложен фундамент наших знаний об афинской демократической «конституции» и этапах ее эволюции (4, с. 10), а одной из важнейших итоговых работ, по крайней мере в англоязычной историографии, может считаться изданная в 1952 г. «История афинской конституции до конца V столетия до н.э.» Чарльза Хигнетта (35).

Преобладание институционального подхода в данный период было также обусловлено общим сдвигом в политической науке в сторону более эмпирического научного метода, тщательно избегающего нормативных определений и теоретизирования по поводу реального и идеального. В соответствии с этим методом получила развитие тенденция перенести дискуссию о демократии вообще с теоретического уровня и вопросов, касающихся идеи демократии, ее идеалов и принципов, на эмпирический уровень и тот способ, посредством которого демократия функционирует в конкретных государствах. В результате, начиная с Йозефа Шумпетера, демократия стала рассматриваться в узком смысле как институциональное оформление политических решений. Иными словами, демократия оказалась лишь способом или процессом, посредством (или в результате) которого управляемые могли выбрать себе управляющих и вручить им власть (см.: 45, с. 3).

Во второй половине XX в. в изучении афинской демократии все более популярным становится направление, которое характеризуется углубленным анализом «неинституциональных форм и

элементов афинской политической жизни» (4, с. 11). В центре внимания ученых теперь оказались афинская экономика и социальные отношения, роль и специфика элиты в демократическом афинском полисе, ее взаимоотношения с массой рядовых граждан, характер и структура политических группировок. Было изучено воздействие демократии на повседневную жизнь граждан, на религию и право, военное дело, идеологию и культуру. Основоположником нового направления в 50-е годы прошлого столетия стал профессор Кембриджского университета (Великобритания) А.Х.М. Джонс, по мнению которого, для того чтобы понять, как работала афинская демократия, необходимо в первую очередь исследовать ее экономическую базу.

В настоящее время, разумеется, мало кто из исследователей разделяет идею Джонса о том, что афинская демократия в столь малой степени зависела от рабства, что освобождение даже всех рабов не могло иметь существенного значения. Однако сама постановка вопроса о социальной структуре и экономической системе Афин была крайне важна, поскольку явилась стимулом для дальнейших исследований в данном направлении (55, с. 2–3, 9–10).

Большой вклад в изучение реальной практики функционирования афинской демократии во второй половине XX в. внес Мозес Финли. В отличие от Джонса, Финли не сомневался в том, что рабство являлось фундаментом античной экономики и что рост свободы в Афинах шел в тесной взаимосвязи с ростом рабства. Многие специфические черты афинской демократии он объяснял тем, что Афины были обществом, в котором каждый знал каждого (*face-to-face society*) (18, с. 17). Эта идея, как отмечает Робин Осборн, один из наиболее крупных британских специалистов по истории афинской демократии, может показаться неприменимой к классическим Афинам с их гражданским коллективом порядка 50 тыс. взрослых мужчин. Однако изучение эпиграфических материалов, содержащих сведения о повседневной политической жизни афинян, показало чрезвычайно важную роль в системе принятия решений небольших локальных групп, демов (*demoi*), представлявших собой объединения типа сельских общин, которые по своим размерам и характеру соответствовали понятию *face-to-face society* (55, с. 7, 9–10).

Роль деревенских общин-демов, получивших благодаря реформам Клисфена политический статус в качестве базовых структурных подразделений афинской административно-политической системы, основательно изучена в работах Р. Осборна, Д. Стоктона,

Д. Уайтхеда, Э. Вуд, П. Исмард (56; 71; 78; 79; 37). Наделение сельских общин политическими функциями превратило демы в своего рода фундамент афинской демократии, что позволило некоторым исследователям трактовать клисфеновскую политику как «режим мелких землевладельцев» или «крестьянскую демократию» (см., например: 79, с. 101–119).

Как показал Р. Осборн (56), конституционно демы являлись основой демократии в двух отношениях. Во-первых, именно они отвечали за кооптирование новых членов в состав гражданского коллектива полиса путем голосования в собрании демотов. Во-вторых, их важнейшей политической функцией был отбор представителей для работы в центральном органе власти Афинского полиса – совете 500 (буле) по квоте, установленной в зависимости от количества членов дема (см. также: 43, с. 192–193; 54, с. 70; 56, с. 74, 80–81, 88). Главным образом это обстоятельство, а также необходимость учитывать реальные условия (географические, социальные, экономические), определявшие формы и степень участия граждан в управлении полисом, позволили Р. Осборну высказать мнение о том, что прямая демократия могла существовать только на уровне демов, но не на уровне Афин в целом. «Благодаря демам, – полагал он, – то, что в теории было прямой демократией, на практике являлось утонченной формой представительной демократии» (56, с. 92). Эта идея британского исследователя, разумеется, не нашла поддержки у подавляющего большинства историков, и представление об афинской демократии как именно о прямой демократии остается по-прежнему аксиомой.

В рассматриваемый период появился и ряд важных в научном отношении работ, посвященных таким ключевым институтам афинской демократии, как совет 500 (65) и народное собрание (экклесия) (24), а также институту афинского гражданства (43). Таким образом, как справедливо отметил один из ведущих российских специалистов по истории афинской демократии И.В. Суриков, отказ от институционального подхода не мог носить тотальный характер в силу той огромной роли, которую политические институты, особенно органы государственной власти, играли в демократическом афинском полисе. В условиях прямой демократии, предполагающей непосредственное участие большинства граждан в работе этих институтов, неинституциональные, не связанные с государством формы общественной жизни не могли получить существенного развития. В результате вся общественная жизнь греческого (особенно демократического) полиса была предельно институционализирована.

Соответственно, полагает исследователь, изучение «институционального» аспекта афинской демократии остается актуальной задачей, но осуществляться оно должно на новом уровне, предполагающем некий синтез «институционального» и «неинституционального» подходов. Иными словами, политические институты должны исследоваться не изолированно, но в широком контексте всей политической жизни города-государства (4, с. 14). В новейшей отечественной историографии примером такого подхода могут служить фундаментальная монография самого И.В. Сурикова «Остракизм в Афинах» (2006) (4), а также не менее фундаментальная работа Т.В. Кудрявцевой «Народный суд в демократических Афинах» (2008) (1).

В зарубежной историографии последнего десятилетия XX в. дополнительным стимулом к интенсификации исследований различных аспектов афинской демократии явилась отмечавшаяся в 1993 г. 2500-летняя годовщина реформ, проведенных в Афинах в 508/507 г. до н.э. Клисфеном. В рамках проекта под общим названием «Демократия-2500» была проведена серия международных конференций, материалы которых нашли отражение в целом ряде сборников, коллективных монографий и индивидуальных исследований, посвященных различным проблемам античной демократии, ее отношению к демократии современной, взаимосвязи между демократией и имперским владычеством. Столь существенный рост интереса к данной тематике как среди ученых, так и среди широкой общественности, в значительной степени был обусловлен процессами, происходившими в тот период в Восточной и Центральной Европе, связанными с падением коммунистических режимов и распадом Советского Союза. Эти события были восприняты как полная победа демократической системы и демократической идеологии в ее либеральной версии. Соответственно, преобладающим тоном основной массы работ было бесконечное прославление афинской демократии и крайне высокая оценка ее достижений в плане реализации на практике демократических принципов (2, с. 22). Характерным примером могут служить работы таких крупных зарубежных антиковедов, как Дж. Обер и М.Г. Хансен, которые склонны находить много общего между афинской *dēmokratia* и современной либеральной демократией, по крайней мере в сфере идеологии. Об этом, с их точки зрения, свидетельствует идентичный набор главных политических идеалов: «свобода» – *eleutheria* и «равенство» – *isotēs* и все слова с компонентом *iso-*, *ise-* (как, например, *isonomia* – «равноправие», «равенство перед законом»; *isegoria* – «равное право на высказывание») (25, с. 16–17; 54, с. 3–4).

Можно вполне согласиться с мнением крупнейшего российского историка Античности Л.П. Маринович о том, что внеучный импульс к столь широкому празднованию 2500-летия демократии достаточно очевиден (и это, как она отмечает, не скрывали и сами участники мероприятий). Данное обстоятельство, по мнению ученого, особо подчеркивает выбор в качестве отправной точки реформы Клизфена конца VI в. до н.э. (2, с. 23). Действительно, спустя 70 лет после этой даты историк Геродот утверждал как неоспоримый факт, что именно Клизфен «установил филы и демократию для афинян» (6.131.1). Однако позднее, в IV в. до н.э., афиняне относили возникновение своей демократии к более раннему времени, связывая это событие с Солоном, законодателем начала VI в. до н.э., либо даже с легендарным царем Афин Тесеем. В современной историографии, пожалуй, главным претендентом на титул «основателя афинской демократии» является Эфиальт, политический деятель 460-х годов до н.э. В числе кандидатов на этот титул фигурируют также Перикл и те государственные деятели, которые рационализировали политическую систему Афин на рубеже V–IV вв. до н.э. Впрочем, как отмечает К. Раафлауб, сама правомерность такого «титула» энергично отвергается многими исследователями (60, с. 2).

Теперь, когда интенсивность споров о «Демократии 2500», поднятая взрывом либерального энтузиазма, пошла на спад, по словам К. Раафлауба, «появилась та необходимая дистанция, которая делает синтез аргументов не только возможным, но и желательным. Наступило время, – пишет он, – снова вернуться к некоторым вопросам, которые обсуждались десять лет назад, как в силу их особой важности, так и благодаря прогрессу, достигнутому за более чем тридцать лет интенсивных исследований» (там же).

Ответ на вопрос о том, когда возникла демократия, в значительной степени зависит от того, какое содержание вкладывается в это понятие. Позиции исследователей в данном случае определяются выбором приоритетных, с их точки зрения, источников и критериев оценки. По мнению одних (Э. Рушенбуш), любая система, в которой народ в собрании участвует в процессе принятия решений, по существу, является демократией. Соответственно, они находят демократию уже в том обществе, которое представлено в гомеровском эпосе. Другие (К. Раафлауб) полагают, что демократия становится реальностью только тогда, когда активное участие в политической жизни охватывает всех взрослых граждан мужского пола вне зависимости от их социального и имущественного по-